

Религиоведение. 2022. № 1. С. 105–110.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2022. No. 1. P. 105–110.

DOI: 10.22250/20728662_2022_1_105

¹ Гусейнов Ю.М., ² Идрисов Ю.М.

¹ Дагестанский государственный университет народного хозяйства

² Исторический парк «Россия – моя история»

¹ 367000, Россия, г. Махачкала, ул. Атаева, 5;

² 367000, Россия, г. Махачкала, ул. Шамиля, 31г.

¹ g.usup@mail.ru; ² markes06@mail.ru

Религия / Religion
и право
and Law

Феномен корреляции норм мусульманского права с адатом и светскими законами в конце XIX – первой половине XX вв.: на примере кумыков

Аннотация. Статья посвящена проблеме корреляции у кумыков мусульманского права, адата и российских законов в конце XIX – начале XX века, которая всегда оставалось актуальной темой для многих исследователей-кавказоведов. Особенно ярко борьба за установление правового господства проявлялась у кумыков, где весомы были позиции мусульманского права. Правовая политика российской империи в кумыкских землях в исследуемый период привела к тому, что здесь сформировался феномен правового плюрализма – мусульманских, имперских законов и законов обычного права. В позднем средневековье и в раннее Новое время в тюркском обществе Дагестана происходил сложный и противоречивый процесс конвергенции адатного (обычного) права и шариата. В XIX в. в активное взаимодействие с ними вступили законы Российской империи, а после Октябрьской революции – законы советской власти. После введения системы военно-народного управления российской администрация начала борьбу с такими адатами, как кровная месть и ишкиль, а также отстранение женщин от наследования недвижимого имущества. Система полиюридизма просуществовала до 1927 года, доказав собственную гибкость и жизнеспособность. В первые годы советская власть активно поддерживала нормы ислама. Были даже опубликованы специальные декреты, поддерживающие духовенство и мусульман. Однако после окончательного утверждения советской правовой культуры началась борьба с пережитками шариата и мусульманскими обрядами.

Ключевые слова: кумыки, адат, обычное право, шариат, российское законодательство, кровная месть, ишкиль, полиюридизм

¹ Yusup M. Huseynov, ² Yusup M. Idrisov

¹ Dagestan State University of National Economy; ² Historical Park “Russia is My History”

¹ 5 Ataeva str., Makhachkala, 367000, Russia; ² 31g Shamilya str., Makhachkala, 367000, Russia

¹ g.usup@mail.ru; ² markes06@mail.ru

The Phenomenon of Correlation of the Norms of Muslim Law with Adat And Secular Laws in the Late 19th – First Half of the 20th Centuries: On the Example of the Turkic Peoples of Dagestan

Abstract. The problem of correlation of Muslim law with adat and secular laws is a dark side in the ethnographic studies of Dagestan. Especially unexplored are the Turkic peoples (Kumyks, Nogais, Azerbaijanis), who had their own legal culture and adopted it in their nomadic way of life. In the late Middle Ages and early Modern times, a complex and contradictory process of convergence of adat (customary) law and sharia took place in the Turkic society of Dagestan. In the 19th century, the laws of the Russian Empire became a significant force for them, as well as the Soviet laws after the October Revolution. After the introduction of the system of military-people's management, the Russian administration began to fight such adats as blood feud and ishkil, as well as the removal of women from inheriting real estate. The system of polyjuridism had lasted until 1927, proving its own flexibility and viability. In the beginning, the Soviet government actively supported the norms of Islam, even special decrees supporting the clergy and Muslims were published. However, after the final approval of the Soviet legal culture, the struggle against the remnants of Sharia and Muslim rituals began. Despite the strict prohibitions of the secular authorities, the norms of Muslim law have shown their viability and vitality in the Turkic world of Dagestan.

Key words: Kumyks, adat, customary law, Sharia, Russian legislation, blood feud, Ishkil, polyjuridism

Ю.М. Гусейнов

Ю.М. Идрисов

Кумыки – тюркский народ, проживающий на территории равнинного Дагестана. Его общая численность исчисляется более 500 тысяч человек. Основное население кумыков проживает в равнинной части Республики Дагестан. Небольшие анклавные кумыкские поселения имеются в Республике Северная Осетия-Алания, Чеченской Республике, а также в Астраханской области. Кумыки являются самым крупным тюркским народом на Северном Кавказе.

Кумыки, будучи тюркским народом Дагестана, имели свои традиционные правила и нормы, регламентирующие все сферы жизни общества, зародившиеся ещё в недрах кумыкской истории.

К началу XIX века основными источниками права у кумыков являлись адат и шариат. Так, в вопросах семейного быта (бракосочетании, разводах, разделе имущества, вопросах опеки) господствовали нормы шариата, в вопросах судебных, кровной мести доминировали нормы обычного права (адата). В XIX веке, особенно в его второй половине, в систему кумыкского права вклинивается третья правовая система – законы Российской империи, которые довольно быстро стали занимать доминирующее положение в кумыкском правовом сознании.

Ещё до введения военно-народного управления с присущим ему полиюридизмом, обычное (адатное) право в кумыкском обществе активно взаимодействовало с шариатом. Учёный Ш.М. Исаев относит начало активное проникновение шариатских норм в обычное право народов Дагестана к XVII в., аргументируя этот тезис тем, что в это время начинается их активная письменная фиксация, что, по его мнению свидетельствовало о переходе дагестанского общества «от обычая к закону» [Исаев, 2011, 12]. В связи с этим интересно, что, по свидетельству Д.-М. Шихалиева, от 1847 г. в с. Эрпели хранилась книга «Исмаил-Куран», где записаны были все достопамятные постановления карачинского сословия, по которым в село судиться приходили даже из Северной Кумыкии [Шихалиев, 1993, 45–46]. Однако на проверку, как выяснил в своё время академик Х.М. Френ, названная книга представляла собой перевод Корана с арабского на местное наречие кумыкского языка, сопровождаемый комментарием специалиста по мусульманскому праву XV в. Исмаила ибн Яхья ал-Музани [Генко, 1937, 94]. Под «карачинским сословием» подразумевались местные князья, имевшие право суда [Идрисов, 2016, 76].

Таким образом, налицо любопытная смычка в местном законодательстве такого традиционного, по сути, адатного института, как суд карачибексов с шариатом. К середине XIX в. подобный синтез обычного и мусульманского права воспринимался уже как норма.

Сферой активной корреляции шариатских и адатных норм являлись земельные отношения. Известный правовед М. Ковалевский писал, что «нельзя также считать исключительно дагестанским тот порядок, по которому впереве обработанная кем-либо земля становится собственностью возделывателя». Г. Гольдциер показывает, что такое правило известно было искони туземному населению Аравии, откуда и проникло в юридические трактаты отдельных мусульманских школ» [Ковалевский, 1890, 227.]. Поэтому индивидуально-семейная собственность в первую очередь распространяется на пахотные и покосные участки [История, 1988, 96]. Подобное совпадение адата и шариата может быть объяснено воздействием на последний арабских обычаев, типологических сходных с дагестанскими адатами. Данное право было известно и другим народам Северного Кавказа. О наличии этого адата у кумыков свидетельствуют архивные источники [ГКУ(в), Л. 10].

Также наличие данного факта подтверждают полевые материалы, собранные в районах Республики Дагестан компактно населённых кумыками. Так, в поселениях Буйнакского района (предгорная часть Республики Дагестан) имеются частные земли, именующиеся по фамилиям своих хозяев. Согласно жителям, эти названия сохранились ещё с конца XIX века.

Стоит сказать, что особенно часто кумыки прибегали к вопросам шариата в разборе дел по наследованию земельных наделов. Дело в том, что в обычном праве кумыков, как и в таком раннесредневековом памятнике обычного права германцев как «Салическая правда», оговаривалось ограничение наследования недвижимого имущества только по мужской линии («по кумыкскому обычаю

право на наследование княжеского дара имели лишь потомки по мужской линии») [ГКУ(в), Л. 19].

В конце XIX в. доргелинская сельская община приняла постановление об отмене данного адата и замене его правилом наследования по шариату. Объясняя причины своего недовольства, доргелинцы заявили: «Это чисто адатное, не шариатное правило. Его ввели беки для того, чтобы возвысить мужчин, платящих подати» [ГКУ(б), Л.1]. Мы допускаем, что обход запрета на наследование по женской линии, пусть и со ссылкой на шариат, был совершён под влиянием примеров наблюдения такого наследования среди русского населения и подражавших ему кумыкской аристократии и нарождающейся буржуазии.

К шариату обращались также чтобы обойти адатный запрет на передачу наследства к чанкам при отсутствии назру – завещания [Гусейнов, 2020, 264]. Известно, что, не сумев решить поземельных споров на основе обычного права две конкурирующие ветки чанка – потомков князя Урусхана обратились к авторитетному в их глазах знатоку шариатского наследственного права кадию Абузару Башлинскому [ГКУ(г), Л. 302].

В центральном государственном архиве Республики Дагестан мы находим некоторые сведения, когда отец лишал наследства своих сыновей в пользу одной из дочерей.

Крайне любопытна коллизия наказаний по адату и шариату за вероотступничество. Если шариат предоставлял вероотступнику время покаяться, то адат призывал к немедленному убийству вероотступника, то есть занимал более жёсткую позицию по отношению к лицам, оставившим отцовскую веру. Последние также лишались всех имущественных прав в своём обществе [Адаты, 2009, 123].

В 1860 г. была образована Дагестанская область. А.И. Бярятинский в положении «Об управлении Дагестанской областью» так сформулировал цели реформы: «дать народу суд, который, будучи совершенно сообразен с его понятиями и обычаями, давал бы возможность постепенно, без неудобств для народа перейти к решению всех дел на основании общих законов империи» [Научный архив, Л. 17]. То есть, по замыслу конструктора военно-народного управления А.И. Бярятинского, адатное судопроизводство носило временный характер. Тем не менее, оно просуществовало вплоть до революции 1917 года. В ведении шариата осталось семейное право и религиозно-обрядовая сфера общественной жизни. Преступления против государства, разбой и хищения казенного имущества разбирались военными судами [Очерки, 1957, 240]. Таким образом, была узаконена система полиюридизма.

Ставка на адатное право было обусловлено желанием «правительства как можно больше ограничить применение шариата» [Очерки, 1957, 241]. Однако после введения системы военно-народного управления началась борьба российской администрации и с наиболее одиозными адатами, вступавшими в крайнее противоречие с общероссийским законодательством. В частности, среди подобных адатов были такие традиционные нормы наказания, как канлы (кровная месть) и ишкиль, основанные на привычном для кумыков (как и дагестанцев в целом) принципе талиона оказались под запретом. Российские законы, предписывавшие запрет на отмщение убийце сородича и не предусматривавшие и примирения с возмещением ущерба пострадавшей стороне после отбытия ссылки, нередко приводили к прецедентам трёхсторонней коллизии адата, шариата и общероссийских законов.

Приведём пример из истории селения Какашура Мехтулинского ханства. Здесь 11 мая 1861 года Ильяс Туакар-оглы убил своего односельчанина. Он выплатил положенный выкуп – алым – для прекращения кровной мести. Но родственники убитого Абакар Мама-оглы и Хаджи-Акай, несмотря на обряд примирения, убили Ильюса. Они вернули алым родственникам убитого кровника. Абакар был выслан в Россию на 6 лет, а его брат на – 4 года в Оренбургскую губернию. Тогда их родственники потребовали вернуть им алым, поскольку их сородичи понесли наказание [ГКУ(г), Л. 25]. В связи с этим в первые годы военно-народного управления старались по возможности обходить непонятные для них законы, и после возвращения кровника из ссылки конфликт не считался разрешённым, если не состоялся маслахат, то есть обряд примирения. Желая всё-таки разрешать подобные противоречия, власти

достаточно лояльно смотрели на медиаторские инициативы назначенных ими наибов и старшин, порой сами подталкивали их к ним [Халифаева, 2014, 290.]

С большим трудом для русской администрации проходила борьба с таким адатом, как «ишкиль» (иначе: «барымта»), неоднократно упоминаемым в переписке кумыкских князей [Оразаев, 2002, 374–375]. По определению М.А. Агларова, «Ишкиль – это захват имущества для понуждения ответчика к удовлетворению имущественных претензий или исполнению другого рода обязательств» [Агларов, 1988, 159]. Представляя по своему изначальному смыслу правоохранный институт, направленный на мотивацию своевременного возвращения долгов, на практике он нередко приводил к злоупотреблениям и откровенному грабежу. В целом его содержание зависело от лиц его производившего. Нередко к взиманию ишкиля прибегали целые общества. Страх подвергнуться ишкилю тормозил экономическое развитие многих хозяйств. Крайне негативно к нему относилось духовенство, расценивая как несовместимое с шариатом явление.

В некоторых районах Дагестана по сей день сохранились огромные камни, находящиеся на земле должника, которые свидетельствовали о его финансовых обязательствах.

В 1860–70-е гг. XIX в. по инициативе властей в Дагестанской и Терской областях проводились «мирские сходки», на которых принимали компромиссные (маслиатные) решения, которые могло стать прецедентом для введения нового адата взамен тех, которые посчитали «вредными и несоответствующими духу настоящего времени» [Мария и Виктор Котляровы, 2010, 11].

В число «вредных адатов», естественно, попал и ишкиль. Характерно выступление против «вредных адатов» члена сельского суда из Темир-Хан-Шуринского округа: «В них есть много такого, что не может понравиться русским. Если мы не поспешим выкинуть или исправить некоторые из адатов, то мы, наверно, дождемся того дня, когда через них мы потеряем право решать свои домашние дела по адату» [Бобровников, 2009, 94].

Однако, вопреки всем кодексам, запретам имамов и кадиев, постановлениям судов и приговорам обществ, ишкиль продолжал практиковаться. Российские органы власти рассматривали его как обыкновенное воровство. Если обратиться к алфавитному списку ссыльных из Дагестанской области за 1860–1912 гг., то обнаружим, что самым распространённым преступлением в Дагестане, в том числе и в кумыкских обществах, в указанный период являлся угон лошадей и скота [ГКУ(а), Л.8]. Мы не располагаем материалами допросов осуждённых за указанные преступления, но вполне допустимо предположить, что многие из них рассматривали свои действия именно как наказание должнику, то есть ишкиль.

Несмотря на то, что ни духовенству, ни чиновникам военно-народного управления так и не удалось искоренить кровную месть и ишкиль, их усилия в этом направлении во многом и подготовили почву для победы норм уголовного права уже в советский период.

Заключение

Таким образом, на территории кумыкских территорий к исследуемому времени сложился правовой плюрализм. Это объяснялось тем, что здесь сформировалось три основных источника права: адат, шариат и Российские законы. Стоит отметить, что имперская власть сразу провела правовую демаркацию, разделив существующее законодательство на «вредные» и «полезные». К числу «вредных» относились ограничения в наследовании собственности, кровная месть, ишкиль и др. В своей практике отмены «вредных» адатов чиновники, в том числе и местные старшины, апеллировали к нормам шариата, подобно тому, как ранее, в 1850–1860-е гг., они опирались на адаты в своей борьбе с шариатом. В отдельных случаях само население соглашалось на суд, в котором доминировали официальные законы Российской империи, так как они предполагали более гуманное наказание виновному либо более выгодное решение в поземельном споре.

Несмотря на все противоречия, смешанная система судопроизводства просуществовала более полувека, вплоть до 1917 г. что доказывает её гибкость и жизнеспособность.

Список сокращений

ГКУ ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан

Библиографический список

1. Агларов, М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане / М.А. Агларов. – М.: Наука, 1988. – 237 с.
2. Адаты жителей Кумыкской плоскости // Сборник сведений о кавказских горах. – Тифлис, 1872. – Вып. VI. – 48 с.
3. Адаты ханств под российским протекторатом: Кодексы Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. – М., 2009. – Т. II. В царской и советской России. – 244 с.
4. Бобровников, В.О. Обычай, шариат и рэкет в письмах об ишкиле из Дагестана XVII–XIX вв. / В.О. Бобровников // История и современность. – 2010. – Вып. 1(11). – С. 78–98.
5. ГКУ(а). «Центральный государственный архив Республики Дагестан». Ф. 2. Оп. 4. Д. 13.
6. ГКУ(б). «Центральный государственный архив Республики Дагестан». Ф. Оп. 5. Д. 14.
7. ГКУ(в). «Центральный государственный архив Республики Дагестан». Ф. 105. Оп. 1. Д. 14.
8. ГКУ(г). «Центральный государственный архив Республики Дагестан». Ф. 147. Оп. 4. Д. 41а.
9. ГКУ(д). «Центральный государственный архив Республики Дагестан». Ф. 16. Оп. 2. Д. 97.
10. Генко, А.Н. Арабский язык и кавказоведение: о значении арабских материалов для изучения истории Кавказа / А.Н. Генко // Труды второй российской ассоциации арабистов. 19–23 октября 1937. – Издание Академии наук СССР. М., 1941.
11. Гусейнов, Ю.М. Некоторые аспекты адата и шариата в земельных и наследственных правоотношениях у кумыков в XIX в. / Ю.М. Гусейнов // Вопросы истории. – 2020. – № 2. – С. 263–266.
12. Идрисов, Ю.М. Сословие карачи-беков на Северо-Восточном Кавказе: происхождение и функции / Ю.М. Идрисов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 1–2.
13. Исаев, Ш.М. Общее понятие и виды источников обычного права Дагестана / Ш.М. Исаев // Северокавказский юридический вестник. – 2011. – № 3. – С. 12–16.
14. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М., 1988. – 544 с.
15. Ковалевский, М.М. Закон и обычай на Кавказе / М.М. Ковалевский. – М., 1890. – Т. 1. – 644 с.
16. Мария и Виктор Котляровы. Предисловие // Кавказ: Адаты горских народов. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. – Вып. IV. – 654 с.
17. Научный архив Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 326-а.
18. Халифаева, А.К. 150-летию судебной реформы 1864 года: из истории судебной власти дореволюционного Дагестана / А.К. Халифаева, Ш.Н.К. Джалилов // Судебная власть и уголовный процесс. – 2014. – № 3. – С. 285–291.
19. Оразаев, Г. М.-Р. Памятники торкоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант») / Г. М.-Р. Оразаев. – Махачкала, 2002. – 482 с.
20. Очерки истории Дагестана / Под ред. Косвен М.О. – Махачкала, 1957. – Т. I. – 393 с.
21. Шихалиев, Д.М. Рассказ кумыка о кумыках / Д.М. Шихалиев. – Махачкала, 1993. – 140 с.

Текст поступил в редакцию 04.10.2021.

Принят к публикации 31.01.2022.

Опубликован 29.03.2022.

References

1. Aglarov M.A. *Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane* [Rural community in Nagorny Dagestan]. Moscow: Nauka, 1988. 237 p. (in Russian).
2. *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian mountaineers]. Tiflis, 1872. Issue VI. 48 p. (in Russian).
3. *Obychay i zakon v pis'mennykh pamyatnikakh Dagestana V – nachala XX v. Tom II. V tsarskoy i sovetskoy Rossii* [Custom and law in the written monuments of Dagestan of the 5th – the beginning of the 20th century. Vol. II. In Tsarist and Soviet Russia]. Moscow, 2009, 244 p. (in Russian).

4. Bobrovnikov V.O. *Istoriya i sovremennost'* [History and modernity]. 2010, no. 1 (11), pp. 78–98 (in Russian).
5. GKU “*Tsentrāl'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan*” [National Public Establishment “Central State Archive of the Republic of Dagestan”]. Fund 2. Inventory 4. File 13 (in Russian).
6. GKU “*Tsentrāl'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan*” [National Public Establishment “Central State Archive of the Republic of Dagestan”]. Fund 2. Inventory 5. File 14 (in Russian).
7. GKU “*Tsentrāl'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan*” [National Public Establishment “Central State Archive of the Republic of Dagestan”]. Fund 105. Inventory 1. File 14 (in Russian).
8. GKU “*Tsentrāl'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan*” [National Public Establishment “Central State Archive of the Republic of Dagestan”]. Fund 147. Inventory 4. File 41a. (in Russian).
9. GKU “*Tsentrāl'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan*” [National Public Establishment “Central State Archive of the Republic of Dagestan”]. Fund 16. Inventory 2. File 97 (in Russian).
10. Genko A.N. *Trudy vtoroy rossiysskoy assotsiatsii arabistov. 19–23 oktyabrya 1937* [Proceedings of the Second Russian Association of Arabists. October 19–23, 1937]. Moscow: Publication of the Academy of Sciences of the USSR, 1941 (in Russian).
11. Huseynov Yu.M. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2020, no. 2, pp. 263–266 (in Russian).
12. Idrisov Yu.M. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought]. 2016, vol. 8, no. 1–2 (in Russian).
13. Isaev Sh.M. *Severokavkazskiy yuridicheskiy vestnik* [North Caucasian Legal Bulletin]. 2011, no. 3, pp. 12–16 (in Russian).
14. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.)* [History of the peoples of the North Caucasus (the end of the 18th century –1917)]. Moscow, 1988, 544 p. (in Russian).
15. Kovalevsky M.M. *Zakon i obychay na Kavkaze* [Law and custom in the Caucasus]. Moscow, 1890, vol. 1, 644 p. (in Russian).
16. *Kavkaz: Adaty gorskikh narodov* [The Caucasus: The Adats of the mountain peoples]. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarov, 2010, iss. IV, 654 p. (in Russian).
17. *Nauchnyy arkhiv Instituta istorii, arkhologii i etnografii DFITs RAN* [Scientific Archive of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences]. Fund 1. Inventory 1. File 326-a (in Russian).
18. Khalifaeva A.K., Jalilov Sh.N.K. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess* [Judicial Power and Criminal Procedure]. 2014, no. 3, pp. 285–291 (in Russian).
19. Orazhev G.M.-R. *Pamyatniki tyurkoyazychnoy delovoy perepiski v Dagestane XVIII v. (Opyt istoriko-filologicheskogo issledovaniya dokumentov fonda “Kizlyarskiy komendant”)* [Monuments of Turkic-language business correspondence in Dagestan of the 18th century (Experience of historical and philological research of documents of the Kizlyar Commandant Foundation)]. Makhachkala, 2002, 482 p. (in Russian).
20. *Ocherki istorii Dagestana* [Essays on the history of Dagestan]. Ed. by: Kovshen M.O. Makhachkala, 1957, vol. 1, 393 p. (in Russian).
21. Shikhaliev D.M. *Rasskaz kumyka o kumykakh* [A Kumyk's story about Kumyks]. Makhachkala, 1993, 140 p. (in Russian).

Submitted for publication: October 04, 2021.

Accepted for publication: January 31, 2022.

Published: March 29, 2022.